

DOI: 10.31857/S013038640010032-3

© 2021 г. **О.А. ВЛАСОВА**

## **ТРИ ВОЗРАСТА САМОСОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ ИСТОРИОГРАФИИ В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ**

*Власова Ольга Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия).*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).*

*E-mail: o.a.vlasova@gmail.com*

*Researcher ID: N-4191-2015*

*Аннотация.* В статье анализируются особенности методологического самосознания истории философии в сравнении с самосознанием истории. Предлагается авторский подход: выделяется три кризиса философской историографии, которые отмечают тупик интерпретативных схем, невозможность пользоваться старыми методами и одновременно недостаточную проработку новых. Методологические кризисы стимулируют обращение науки к самой себе. История философии проходит три историографических кризиса, каждый из которых является поворотным для развития ее самосознания: кризис предмета (XVII–XVIII вв.), кризис метода (конец XIX — начало XX в.) и кризис актора (вторая половина XX в.). Их составляющие анализируются в сравнении с аналогичными в исторической науке. История философии зарождается в попытке обособиться от истории мысли и философии, определяя свой предмет как историю философской мысли, прогрессивные попытки приблизиться к истине. На волне методологических дискуссий в гуманитарных науках, дифференциации гуманитарного знания, а также становления истории как самостоятельной науки история философии ставит вопрос специфического историко-философского метода. Вслед за историками она развивает метод понимающей интерпретации, могущей дать ей как доступ к субъективному мысленному опыту прошлого, так и возможность объективной его фиксации. Невозможность решения проблемы соотношения объективного и субъективного в историко-философской практике приводит к проблематизации перспективы актора. Ситуация постмодерна в историческом знании углубляет кризис интерпретативных схем: проблематизируются не только критерии достоверности интерпретации и возможность ее объективности, но и идентичность исследователя, что вновь обращает его к собственному предмету и методу. Таким образом, замыкается круг самосознания, давая истории философии стимул для проблематизации собственной методологии и источник саморазвития.

*Ключевые слова:* история философии, история, историография, историк философии, предмет, методология, актор, кризис науки.

**O.A. Vlasova**

### **Three Ages of Self-Consciousness: The Methodological Crises of Historiography in the Mirror of the History of Philosophy**

*Olga Vlasova, Saint-Petersburg State University, Department of History of Philosophy (Saint-Petersburg, Russia).*

*The Research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01440 "Anthropological dimension of the history of philosophy").*

*E-mail: o.a.vlasova@gmail.com*

*Researcher ID: N-4191-2015*

**Abstract.** The paper discusses the characteristics of the methodological identity of the history of philosophy through comparison with the self-consciousness of historical science. The author identifies three crises of philosophical historiography, which mark the impasse of interpretive schemes, the inability to use old methods, and at the same time insufficient development of new ones. Methodological crises stimulate the science's turn to itself. The history of philosophy goes through three historical crises: the crisis of the object (17<sup>th</sup>–18<sup>th</sup> centuries), the crisis of the method (late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> centuries), and the crisis of the actor (second half of 20<sup>th</sup> century). The history of philosophy is born in an attempt to isolate itself from the history of thought and philosophy, defining its object as the history of philosophical thought, progressive attempts to come closer to the truth. In the wake of methodological discussions in the Humanities, the differentiation within humanistic knowledge, as well as the formation of history as an independent science, the history of philosophy poses the question of the existence of a specific historical and philosophical method. The Postmodern situation in historical knowledge deepens the crisis of interpretative schemes: not only the criteria for the reliability of interpretation and the possibility of its objectivity are problematized, but also the identity of the researcher which again turns him to his subject and method. Thus, the circle of self-consciousness closes, giving the history of philosophy an impetus to problematize its methodology and source of development.

**Keywords:** history of philosophy, history, historiography, historian of philosophy, object, methodology, actor, a crisis of science.

Историческая наука, как мировая, так и отечественная, вот уже несколько десятилетий осмысливает последствия постмодернизма. Ставя вопросы историзма, универсальности и региональности, пытаясь совместить общий социальный контекст и единичный исторический факт в плоскости микро- и макро-, историки приспосабливаются к методологическим реалиям. Будучи связанной с историей веками родства, общей методологий и контекстом, история философии в акцентировании историографии, тем не менее, не повторяет ее путь. Мировая сцена, конечно же, выглядит не так однозначно: вслед за историками пишут об историзме<sup>1</sup> и проблемах метода<sup>2</sup>, статусе истории философии как философской и исторической науки<sup>3</sup>. Отечественная традиция на этом фоне практически безмолвствует, и обидные упреки в методологическом «несознании»<sup>4</sup> в какой-то мере справедливы. А между тем традиционный путь «вслед за историками» сегодня может принести истории философии не только осознание основ, но и новые горизонты на будущее.

В настоящей статье предпринимается попытка показать, что в плане методологии путь «вслед за историками» практиковался историками философии на протяжении веков. Сегодня для того, чтобы понять актуальную историографическую ситуацию и

<sup>1</sup> *Morgan M.L.* The Goals and Methods of the History of Philosophy // *The Review of Metaphysics*. 1987. Vol. 40. № 4. P. 717–732; *Makkreel R.A.* Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // *New Literary History*. 1990. Vol. 21. № 4. P. 977–991; *Normore C.G.* What is to be done in the history of philosophy // *Topoi*. 2006. Vol. 25. P. 75–82.

<sup>2</sup> *Popkin R.* Philosophy and the History of Philosophy // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. № 11. P. 625–632; *Mash R.* How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // *History and Theory*. 1987. Vol. 26. № 3. P. 287–299; *Frede M.* The History of Philosophy as a Discipline // *The Journal of Philosophy*. 1988. Vol. 85. № 11. P. 666–672.

<sup>3</sup> *Mandelbaum M.* The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // *History and Theory*. 1965. Vol. 5. № 5. P. 33–66; *Kelley D.R.* What is happening to the history of ideas? // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. № 1. P. 36–50; *Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // *History of European Ideas*. 2014. Vol. 40. № 7. P. 925–937.

<sup>4</sup> *Киселева М.С.* История философии – интеллектуальная история – история идей // *История философии: вызовы XXI века* / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 2014. С. 148–158.

увидеть ее дальнейшие перспективы, можно смотреть не со стороны философии, а со стороны истории. Отчетливо заметно, что как дисциплина с двойным «историко-философским» статусом история философии всегда развивалась в методологических кризисах, общих для «исторической» и «философской» историографии. И даже возможно, что ее место и роль в гуманитарных науках в целом становятся более устойчивым, если рассматривать ее как «специальную историю».

Метафора кризиса при этом может использоваться в традиционном для философии науки смысле. «Значение кризисов заключается именно в том, что они говорят о своевременности смены инструментов»<sup>5</sup>, — подчеркивает Т. Кун. Кризисы историографии и для истории, и для истории философии отмечают тупик интерпретативных схем, невозможность пользоваться старыми методами и одновременно пока недостаточную проработку новых. Эти методологические кризисы стимулируют обращение науки к самой себе, развитие ее рефлексии. История философии проходит три историографических кризиса, каждый из которых является поворотным для развития ее самосознания: первый — кризис предмета (XVII—XVIII вв.), второй — кризис метода (конец XIX — начало XX в.) и третий — кризис актора (вторая половина XX в.). Названия, разумеется, условны, а вся амплитуда составляющих проступает в сопоставлении с аналогичными поворотами в исторической науке.

*Кризис предмета* есть кризис рождения истории философии, наблюдавшийся в XVIII в. История философии еще не существовала как университетская специальность, не мыслилась в качестве самостоятельной отрасли философии или области изысканий, поэтому часто становилась синонимична общей истории мысли. Часты были жизнеописания, биографии, рассказы об идеях в контексте общего умонастроения эпохи, без углубления в анализ текстов, без четкого прослеживания влияний, в общем, без необходимости следовать какому-то канону исследования. На этом додисциплинарном этапе своего развития история философии была органично связана с историей мысли, являлась одной из ее областей, и такое положение дел не доставляло неудобств ни исследователям, ни читателям.

Процессы обособления начинает Христиан Томазий, он наделяет историю философии статусом обязательного введения к философии и начинает процесс ее обособления от истории, в том числе истории мысли. Его дело продолжает Христиан Август Хойманн, который настаивает, что история философии не является простым изложением идей философа и рассказом о его жизни, но предстает как история поиска истины и постепенного прогресса человечества на этом пути. Такой философской историей философии не может заниматься обычный историк мысли, она подвластна только философу, который имеет об истине четкое представление<sup>6</sup>.

Традицию обособления историков философии в отдельную группу завершает Якоб Бруккер, который окончательно отделил философию от мудрости, трактуя последнюю как практику по истине, а первую как теорию истины, ее получение, сохранение, умножение<sup>7</sup>. Превращая историю философии в теоретическую науку, Бруккер говорил о недостаточности обычной истории философов, но настаивал на необходимости развития истории доктрин или философских систем. Причем последняя должна включать не только разбор их содержания, но и исследование обстоятельств их появления в биографическом и историческом плане. Именно Бруккер заговорил об этих аспектах как об историко-биографическом фоне философских учений.

<sup>5</sup> Кун Т. Структура научных революций. М., 2002. С. 111.

<sup>6</sup> Models of the History of Philosophy. Vol. II. From the Cartesian Age to Brucker / Eds G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht etc., 2011. P. 409, 427.

<sup>7</sup> Бруккер Я. Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающегося российского юношества. М., 1788.

Уже для Хойманна актуальной являлась проблема достоверности историко-философских суждений, и он призывает обратиться от субъективных источников (которые можно назвать субъективные истории жизни) к объективным: искать историко-философский материал в терминологии философов прошлого, поскольку именно в терминологическом ряду отражены в своей объективной форме их идеи. Брукер, не довольствуясь обычным терминологическим исследованием, настаивает на необходимости исследования исторического развития философских систем, прояснения их оснований. Он призывает сохранять обязательное исследование биографии и исторического фона, поскольку без этого невозможно понимание учения философов прошлого как системы, невозможно полноценное контекстное исследование прогресса человеческого разума, с которым тогда и связывается история философии<sup>8</sup>.

Заметно, что вначале история философии идентифицирует себя между двумя полюсами: историей мысли и философией как таковой, стремясь занять между ними срединное положение. Она не становится ни историей, ни философией, стремясь получить выгоды от этого двойного статуса. Обособление тогда ограничивается уточнением предметной области: история философии начинает говорить только о философах и искать детерминанты развития философии внутри ее самой (развитие разума или стремление к истине). Практика и методы ранних историков философии ничем не отличаются от таковых у историков мысли. Они еще не проблематизируются, заимствуясь в готовом виде. Методы называются, они уже сопоставляются с другими, но их специфика применительно к новой области еще не является проблемой. Несмотря на предметный разрыв и самостоятельное самоопределение, методологическое самосознание истории философии начнет развиваться только вслед за методологическим самосознанием истории, в общем поле рефлексии.

*Кризис метода* происходит в истории философии вслед за другими гуманитарными науками и протекает на волне методологических споров XIX–XX вв. Естественные науки тогда интенсивно развивались и начали задавать стандарты исследования и критерии объективности для гуманитариев. Последние всячески сопротивлялись этой ситуации и стремились уточнить специфику своего объекта, равно как и специфику метода его исследования. Историки, затем филологи и психологи, а потом уже и философы начинают определять свою цель как исследование духовной жизни людей прошлого и настоящего. Разумеется, в разработке понимающей методологииистики отличают себя от психологов.

Тогда история выделяется из общего комплекса общественных наук и определяет себя как наука о прошлом, при этом отделяясь от философии истории. Она не претендует на разговор о настоящем, не говорит об универсальных закономерностях развития исторического, не ищет надсобытийных мотивов, а стремится обратиться к событиям прошлого. Она, с одной стороны, уходит от метафизики с ее традицией усматривать причины развития в движении Духа и обращается к реальности, а с другой — ищет иной, отличный от естественнонаучного, идеал объективности. Попытка балансировать приводит к дискуссиям о методологии и развитию метода понимания.

Отцом исторической традиции понимающей интерпретации стал Иоганн Густав Дройзен, представитель малогерманской школы историков, который в своих работах и лекциях сделал «понимание» неотъемлемой частью исторической интерпретации. Во многом именно Дройзен превратил историю в подлинную науку. «Для Дройзена вопрос о методологическом суверенитете истории был действительно первостепенным»<sup>9</sup>.

<sup>8</sup> Longo M. Geistige Anregungen und Quellen der Bruckerschen Historiographie // Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung / Hrsg. W. Schmidt-Biggemann, Th. Stammen. Berlin, 1998. S. 159–186.

<sup>9</sup> Савельева И.М., Полетаев А.В. «Возведение истории в ранг науки». К юбилею Иоганна Густава Дройзена // Диалог со временем. 2008. № 25 (1). С. 42.

Он был движим потребностью отыскать те методы, которые позволили бы истории стать объективной наукой, причем не переносил общенаучные методы в поле исторических исследований, но ратовал за разработку собственных, которые будут адекватны изучаемому предмету. Как разъясняет Ю.А. Васильев, «науке, по Дройзену, *следует найти методы*, чтобы получить объективный критерий и контроль непосредственного и субъективного восприятия прошлого. Это позволит обосновать, исправить и углубить осмысление того, что некогда было исторической реальностью»<sup>10</sup>. Пониманию здесь отведена центральная роль.

Дройзен уподобляет понимание исследователя тому пониманию, которое мы демонстрируем в обыденной жизни: «Я понимаю говорящего, если я, стоя напротив него, слышу его слова, воспринимаю интуицию и акценты его речи, выражение его глаз, мимику лица, его жесты. Ибо полное выражение его самой внутренней сущности, в данный момент взволнованной или расстроенной, прорывается здесь наружу, и это его внутреннее состояние я воспринимаю по его внешним проявлениям, чувствуя, что он чем-то взволнован, его взволнованность заставляет меня сопереживать тому, что происходит в его душе. Таким образом он стал для меня понятным»<sup>11</sup>.

Несмотря на кажущийся чрезмерный психологизм, Дройзен ищет в понимании не столько доступ к ушедшей в века душевной жизни, сколько возможность понять факты, «постичь их как выражение того, что в них хотели выразить». «То, что у нас имеется в качестве исторического материала, — подчеркивает Дройзен, — является выражением и отпечатком волевых актов, и их-то мы и должны попытаться понять в этих их выражениях»<sup>12</sup>. Для того чтобы понять исторические события, нужно понять вызвавшие их комплексы противоборствующих волевых актов, которые и составляют то, что принято называть «личной волей», «гением народа», «прозорливостью эпохи».

Обрисованный Дройзенем круг понимания охватывает 1) сам исторический материал и его прагматическую интерпретацию, 2) социальный контекст и картину времени, схватываемые интерпретацией условий, 3) воззрения великих деятелей и массы ведомых, доступ к которым дает психологическая интерпретация, 4) духовную общность людей, прояснить которую можно посредством «интерпретации по нравственным силам». Только путем сочетания этих различных стратегий понимания, по убеждению Дройзена, возможно получить в результате не произвольную фантазию, а достоверную картину прошлого.

Позднее понимающая история Дройзена была воспринята в философском ключе. «Лишь много позднее эта тема возникла в работах Дильтея, Риккерта и др., вплоть до “пнимающей социологии” Макса Вебера»<sup>13</sup>. При этом для истории оказался важным один момент, на который косвенно указывают эти авторы. Дело в том, что историки говорили в XIX в. о понимании, стремясь определить идентичность нарождавшейся науки, которая тогда появляется вследствие дифференциации социально-гуманитарного знания и начинает определять себя, прежде всего, как науку о прошлом. История философии, мыслящая себя с момента своего становления в качестве отдельной отрасли в Германии как пропедевтика к философии, не может ограничиваться этим статусом. В ней закономерно возникает вопрос о значении историко-философского понимания прошлого для философского осмысления настоящего. Во Франции, к примеру, эти дискуссии вылились в обсуждение дилеммы историчности философских систем и вечности философской истины, которая находит в них выражение (Э. Брейе, М. Геру, Л. Брун).

<sup>10</sup> Васильев Ю.А. Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 219.

<sup>11</sup> Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004. С. 234.

<sup>12</sup> Там же. С. 235.

<sup>13</sup> Савельева И.М., Полеатаев А.В. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 94.

Понимающая история философии мыслит себя как история мысли и часть «наук о духе». Она развивает послы Дильтеевой «критики исторического разума» и предполагает трактовку истории философии как этапа самоосмысления философии, причем «самоосмысление» здесь четко идет в Дильтеевом ключе как «живое восхождение от всех содержащихся в науке положений к основаниям их правомочности и предпосылкам с целью установления посредством такой редукции их относительной значимости и границы»<sup>14</sup>. История философии в смене идей и концептов (в историческом исследовании субъективных актов мышления философов прошлого) предлагает материал для подобного восхождения, по-прежнему являясь пропедевтикой к самой философии.

Рабочий метод герменевтической историко-философской традиции — понимание, циркулирующий, как и в истории, в классической триаде «переживание — выражение — понимание». При этом, разумеется, понимание не ограничивается психологическим, но способствует диалектике субъективного и объективного: историк философии постигает мышление философа прошлого, однако, проясняя его душевное движение, восходит к осмыслению структуры духовной жизни в целом и ее динамики в культуре и истории, а затем к историческому и культурному миру в целом.

В Германии понимающую традицию развивали Карл Ясперс и Мартин Хайдеггер, в ранний период испытавшие влияние Дильтея и положившие его в основание собственного историко-философского метода. При этом Ясперс больше психологизировал понимание и посредством его пытался воссоздать духовную надысторическую целостность философии и культуры. Хайдеггер в понимающей интерпретации обращался к истоку. У обоих понимающая история философии служила романтическим идеалам воссоздания «братства» философов. Во Франции на складывание понимающего стиля оказало влияние оживление неоплатонизма, бергсонизм и немецкая историко-философская герменевтика (в лице того же Ясперса). Эмиль Брейе говорит о творческой работе интерпретации и почти мистическом продолжении традиции. Поль Рикёр делает понимающую интерпретацию основным методом истории философии.

Кризис метода, разразившийся во времена стремительного развития естественных наук и обретения гуманитариями собственной идентичности, выявил дилемму, которую метко обозначил Р. Коллингвуд: «Как возможно познание, а не непосредственное переживание индивидуального?»<sup>15</sup>. Ведь понимание дает субъективное переживание, а для науки необходимо объективное познание. Этой логике следует П. Вен, когда говорит о ремесле историка: «Историк делает интриги понятными. Поскольку речь идет о человеческих интригах, а не, например, геологических драмах, то и мотивы их будут человеческими»<sup>16</sup>. Методологические споры того времени так и не привели к успешным решениям. Не нашедший ответа вопрос возникает в другой перспективе: в следующий кризис, только по отношению к самому историку, а не практикуемому им методу.

Несмотря на неразрешимость дилеммы «субъективного/объективного» по отношению к историческому и историко-философскому методу, этот период словно бы дает истории философии успокоение: многочисленные методологические работы, герменевтическая волна позволяют ей не только занять прочное место в философии, но и наладить отношения с другими гуманитарными науками, только теперь в качестве отдельной отрасли с собственной методологией. Однако это успокоение привело к новым поискам.

Устав усматривать в истории философии движение истины и прочитывать в произведениях коллизии сокровенного мышления философов прошлого, история философии обращается одновременно к развитию концептов и развитию практик, к социальным рамкам исторических форм философствования, а также философским институциям

<sup>14</sup> Плотников Н.С. Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000. С. 83.

<sup>15</sup> Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 166.

<sup>16</sup> Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 109.

и традициям. В новой ситуации постмодерна она ставит в центр дискуссий не научный статус или метод, а собственное мировоззрение.

*Кризис актора* отмечает ситуацию, возникшую вслед за «вызовами постмодернизма», когда в рамках исторического знания начинают проблематизироваться не только отдельные аспекты методов и теории, но ставятся под сомнение основания практики: классическое представление об историзме, достоверность исторического метода и фигура историка. А.В. Черняев обращает внимание на истоки происходящего: «За несколько последних десятилетий западная историческая наука совершила впечатляющей методологический прорыв, который связан главным образом с антропологизацией истории, ее фокусировкой уже не на истории текстов и истории событий, а на самом бытии человека в прошлом. Одним из последствий этого сдвига явилось существенное расширение поля зрения историков»<sup>17</sup>. Разумеется, эти изменения и дискуссии отразились и на истории философии, к ним добавилось влияние постмодернистской парадигмы интерпретации. Антропологизация в постановке проблемы метода — следствие антропологизации предмета, который этим методом пытаются схватить.

Л.П. Репина выделяет три важнейших аспекта историографии, которые ставятся под сомнение: 1) понятие исторической реальности и идентичность историка; 2) критерии достоверности источника; 3) саму возможность объективности в историческом познании<sup>18</sup>. Заметно, что в восприятии историков происходит коренное изменение отношения к собственной литературности и нарративности: в большинстве случаев именно она проблематизируется не как позитивная возможность, а как негативная основа метода. История начинает расцениваться как нарративная форма отношения к прошлому, да и само прошлое теперь расценивается как результат исторической наррации. Именно в контексте этого поворота ведутся исторические дискуссии о нарративности истории<sup>19</sup>, исторических фактах и фикциях и акцентируется необходимость целостного подхода, которым должно выступить социокультурное, контекстное исследование в сочетании микро- и макроподходов<sup>20</sup>.

Движение исторической науки становится более понятным из другой перспективы. В своей тунисской лекции «Живопись Мане» Мишель Фуко среди прочего попытался осмыслить суть той революции, которая произошла в живописи начала XX в.<sup>21</sup> В качестве основного новшества, характеризующего новаторский подход Эдуарда Мане, Фуко называет выделение картины, полотна как самостоятельного объекта, самостоятельного игрока. Мане играет с фактурой полотна, нарочно ломает перспективу, десинхронизирует световые потоки — все это лишь для того, чтобы утрированно показать, что живопись не передает, а конструирует реальность, что произведение искусства не отражает естественный порядок, а выводит перед нашим взором искусственный, словом, что искусство — это искусство, а не естество.

В истории и истории философии XX в., вслед за естественными науками, т.е. в контексте общего движения науки вообще, происходит осознание искусственности методологических ориентиров, интерпретаций, условности хронологий и проблематизация самой историчности, а также фигуры историка. Это осознание в исторической науке выстраивается вокруг понимания искусственности, а точнее, конструктивности «идеи истории как воображаемой картины прошлого». Р. Коллингвуд назвал это коперниканским поворотом

<sup>17</sup> Черняев А.В. История философии и новая историческая наука // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 2014. С. 159.

<sup>18</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 122.

<sup>19</sup> Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003.

<sup>20</sup> Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 110–127.

<sup>21</sup> Фуко М. Живопись Мане. СПб., 2011.

исторического знания, связывая его с тем, что историк осознает: его мысль «обладает неким критерием, которому должны соответствовать его так называемые авторитеты, критерием, на основании которого они и подлежат критической оценке»<sup>22</sup>.

В истории философии осознание особенностей историко-философской практики продолжается в рамках философской герменевтики. Типичным примером характерной проблематизации здесь является историко-философская теория Поля Рикёра, который в своих работах словно бы связывает неклассические и постнеклассические исследования. Вслед за Карлом Ясперсом, которому были посвящены его первые работы, он говорит о необходимости историко-философского понимания, вслед за Марсиалем Геру развивает идею «исторической реконструкции произведения»<sup>23</sup>. Однако в своих исследованиях он особенно подчеркивает конструктивность получающейся историко-философской структуры. Акцент на конструктивности, а не на реконструкции, как это было в спорах первой половины XX в., — отличительная черта истории философии последнего полувека.

Дискуссии о нарративности истории философии и конструктивности ее подхода развиваются представителями постмодернистской волны. Выразителем этой позиции является Жиль Делёз, подчеркивающий творческую природу истории философии и деятельности историка философии. Последний, подобно портретисту, не копирует оригинал, но акцентирует определенные черты, и именно это делает изображаемое лицо живым. Историко-философские портреты, «как и в живописи, их следует сделать похожими, но для этого нужно использовать другие средства, которые не представляют собой подобие оригиналу: сходство должно быть создано, и не посредством воспроизведения (довольствуясь пересказом того, что сказал философ). [...] История философии не должна повторять то, что сказал какой-либо философ; она должна говорить о том, что он неизбежно подразумевал то, о чем он не говорил, но что, однако, присутствовало в том, что он говорил»<sup>24</sup>.

Дискуссии микро- и макротекста и контекста сближают историю философии с историей в пространстве интеллектуальной истории. Проблематику нарративности сталкивают с проблематикой контекста споры об анахронизме. Так, рассматривая жанровое своеобразие историко-философской практики, Ричард Рорти противопоставляет историческую и конструктивную реконструкцию, сближая первую с историческим методом, а вторую — с философской рефлексией как таковой. Он стремится озвучить проблему контекста, обсуждая подходы истории духа и интеллектуальной истории. Первая, казалось бы, пытается уловить особенности развития духовного в конкретную эпоху и должна бы соединять макро- и микроподходы, однако на самом деле оказывается, что лишь квалифицирует наличие фундаментальной проблематики, выделяет подходящие фигуры.

При этом жанр интеллектуальной истории Рорти называет почвой современной истории философии. Интеллектуальная история помогает сохранить почтение к фигурам прошлого и одновременно выводит диалог с ними в широкую перспективу гуманитарных наук, спасая историю философии от окостенения. «Нам, — пишет Рорти, — нужна другая история мысли — такая, которая позволила бы сделать наш разговор с философами-предшественниками более увлекательным, насыщенным и полновесным»<sup>25</sup>. Именно интеллектуальная история мыслится как поле, в котором история философии станет свободной для поиска новых ориентиров.

Подводя итоги, уместно оживить тот образ, который практически каждый человек связывает со словами «исследователь» или «ученый». Они — те, кто исследуют: это ботаник с лупой или биолог над микроскопом, врач за рентген-аппаратом, физик в лаборатории

<sup>22</sup> Коллингвуд Р. Дж. Указ. соч. С. 229.

<sup>23</sup> Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995. С. 252.

<sup>24</sup> Делёз Ж. Переговоры, 1972–1990. СПб., 2004. С. 177.

<sup>25</sup> Рорти Р. Историография философии: четыре жанра. М., 2017. С. 108.



за приборной доской, химик, склонившийся над пробиркой. Этот устоявшийся обыденный образ метко фиксирует три составляющие науки: предмет (что), метод (как) и исследователь (кто). В гуманитарных науках в каждой точке мы обнаружим проблемность: что исследуют гуманитарные науки (какую видимую или невидимую реальность)? какими методами они пользуются (что значит «осмыслить», «анализировать» и проч.)? кто является гарантом научности? что делает исследователь? как он работает? Эти три точки — предмет, метод, актор — точки проблематизации гуманитарных наук в целом, и неудивительно, что кризисы исторического и историко-философского знания проходят именно через них.

История философии зарождается в попытке обособить то «что», которое она схватывает от истории мысли и философии, определяя свой предмет как историю философской мысли, прогрессивные попытки приблизиться к истине. По отношению к философии она мыслит себя как пропедевтическое введение, обращаясь к которому в опыте саморазличения философия успешнее и точнее определяет свое актуальное настоящее.

Уточняя предмет и обособляя его как от философии, так и от истории мысли, на волне методологических дискуссий в гуманитарных науках, в процессе дифференциации гуманитарного знания, а также одновременно со становлением истории как самостоятельной науки с собственной методологией, история философии проблематизирует свое «как» и ставит вопрос специфического историко-философского метода. Вслед за историками она развивает метод понимающей интерпретации, способной дать как доступ к субъективному мысленному опыту прошлого, так и возможность объективной его фиксации.

Невозможность решения проблемы соотношения объективного и субъективного в историко-философской практике приводит к проблематизации перспективы актора: того, кто ведет исследования, получает доступ к прошлому и становится его проводником в настоящем. Ситуация постмодерна в историческом знании углубляет кризис интерпретативных схем: проблематизируются не только критерии достоверности интерпретации и возможность ее объективности, но и идентичность исследователя, вновь обращает его к собственному предмету, заставляет его также задуматься о том, что же он все-таки исследует и о чем говорит: прошлое или настоящее. Таким образом, замыкается круг самосознания, давая истории философии как научной отрасли неугасающий стимул для проблематизации собственной методологии и источник ее саморазвития.

### Библиография

- Анкерсмит Ф.* Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М., 2003.
- Брукер Я.* Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающегося российского юношества. М., 1788.
- Васильев Ю.А.* Историка Иоганна Густава Дройзена как методология истории // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 2. С. 218–226.
- Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003.
- Делёз Ж.* Переговоры, 1972–1990. СПб., 2004.
- Дройзен И.Г.* Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб., 2004.
- Киселева М.С.* История философии — интеллектуальная история — история идей // История философии: вызовы XXI века / Отв. ред. Н.В. Мотрошилова. М., 2014. С. 148–158.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография. М., 1980.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 2002.
- Плотников Н.С.* Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М., 2000.
- Ревель Ж.* Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 110–127.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
- Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 1995.
- Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра. М., 2017.

- Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Возведение истории в ранг науки». К юбилею Иоганна Густава Дройзена // Диалог со временем. 2008. № 25 (1). С. 26–54.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 69–97.
- Фуко М.* Живопись Мане. СПб., 2011.
- Черняев А.В.* История философии и новая историческая наука // История философии: вызовы XXI века / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 2014. С. 159–165.
- Frede M.* The History of Philosophy as a Discipline // The Journal of Philosophy. 1988. Vol. 85. № 11. P. 666–672.
- Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // History of European Ideas. 2014. Vol. 40. № 7. P. 925–937.
- Kelley D.R.* What is happening to the history of ideas? // Intellectual News. 1996. Vol. 1. № 1. P. 36–50.
- Longo M.* Geistige Anregungen und Quellen der Bruckerschen Historiographie // Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung / Hrsg. W. Schmidt-Biggemann, Th. Stammen. Berlin, 1998. S. 159–186.
- Makkreel R.A.* Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // New Literary History. 1990. Vol. 21. № 4. P. 977–991.
- Mandelbaum M.* The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // History and Theory. 1965. Vol. 5. № 5. P. 33–66.
- Mash R.* How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // History and Theory. 1987. Vol. 26. № 3. P. 287–299.
- Models of the History of Philosophy. Vol. II. From the Cartesian Age to Brucker / Eds G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht etc., 2011.
- Morgan M.L.* The Goals and Methods of the History of Philosophy // The Review of Metaphysics. 1987. Vol. 40. № 4. P. 717–732.
- Normore C.G.* What is to be done in the history of philosophy // Topoi. 2006. Vol. 25. P. 75–82.
- Popkin R.* Philosophy and the History of Philosophy // The Journal of Philosophy. 1985. Vol. 82. № 11. P. 625–632.

## References

- Ankersmit F.* Narrativnaia logika: semanticheskii analiz iazyka istorikov [Narrative Logic: Semantic Analysis of Historians Language]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Brucker Ja.* Kriticheskaiia istoriia filosofii, sluzhashhaia rukovodstvom k priamomu poznaniu uchenoi istorii, izdannaiia v pol'zu obuchajushhagosa rossiiskago iunoshestva [A critical history of philosophy]. Moskva, 1788. (In Russ.)
- Chernjaev A.V.* Istoriia filosofii i novaia istoricheskaiia nauka [History of Philosophy and a New Historical Science] // Istoriia filosofii: vyzovy XXI veka / Pod red. N.V. Motroshilovoi [History of Philosophy: challenge of the 21<sup>st</sup> century / Ed. N.V. Motroshilova]. Moskva, 2014. P. 159–165. (In Russ.)
- Collingwood R.D.* Ideia istorii. Avtobiografia [The Idea of History. An Autobiography]. Moskva, 1980. (In Russ.)
- Deleuze J.* Dialogi, 1972–1990 [Dialogues]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)
- Droysen J.G.* Istorika. Lektsii ob entsiklopedii i metodologii istorii [Historics. Lectures on enciclopedia and methodology of history]. Sankt-Peterburg, 2004. (In Russ.)
- Foucault M.* Zhivopis' Manet [Manet Painting]. Sankt-Peterburg, 2011. (In Russ.)
- Kiseleva M.S.* Istoriia filosofii – intellektual'naia istoriia – istoriia idej [History of Philosophy – Intellectual History – History of Ideas] // Istoriia filosofii: vyzovy XXI veka [History of Philosophy: challenge of the 21<sup>st</sup> century]. Moskva, 2014. P. 148–158. (In Russ.)
- Kuhn T.* Struktura nauchnyh revoliutsii [The structure of scientific revolutions]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Plotnikov N.S.* Zhizn' i istoriia. Filosofskaia programma Vil'gel'ma Dil'teia [Life and history. The philosophical program of Wilhelm Dilthey]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Repina L.P.* Istoriicheskaiia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaiia praktika [Historical science at the turn of the 20<sup>th</sup>–21<sup>st</sup> centuries: social theories and historiographical practice]. Moskva, 2011. (In Russ.)

- Revel J.-F.* Mikroistoricheski analiz i konstruirovanie social'nogo [Microhistorical analysis and construction] // *Odissej. Chelovek v istorii*. 1996 [Odyssey. Man in the History. 1996]. Moskva, 1996. P. 110–127. (In Russ.)
- Rikoer P.* Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germeneytike [Conflict of interpretations]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Rorty R.* Istoriografiia filosofii: chetyre zhanra [The Historiography of Philosophy: Four Genres]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Saveljeva I.M., Poletaev A.V.* Stanovlenie istoricheskogo metoda Ranke, Marx, Droysen [Developing of historical method: Ranke, Marx, Droysen] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. 2007. № 18. P. 69–97. (In Russ.)
- Saveljeva I.M., Poletaev A.V.* “Vozvedenie istorii v rang nauki”. K iubileiu Ioganna Gustava Droyzena [“Developing the history as a science”. On the anniversary of Johann Gustav Droysen] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. 2008. № 25 (1). P. 26–54. (In Russ.)
- Vasiljev Yu.A.* Istoriika Ioganna Gustava Droyzena kak metodologiya istorii [The historiography of Johann Gustav Droysen as the methodology of science] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. 2016. № 2. P. 218–226. (In Russ.)
- Veyne P.* Kak pishut istoriiu. Opyt epistemologii [Writing History: Essay on Epistemology]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Frede M.* The History of Philosophy as a Discipline // *The Journal of Philosophy*. 1988. Vol. 85. № 11. P. 666–672.
- Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // *History of European Ideas*. 2014. Vol. 40. № 7. P. 925–937.
- Kelley D.R.* What is happening to the history of ideas? // *Intellectual News*. 1996. Vol. 1. № 1. P. 36–50.
- Longo M.* Geistige Anregungen und Quellen der Bruckerschen Historiographie // *Jacob Brucker (1696–1770): Philosoph und Historiker der europäischen Aufklärung* / Hrsg. W. Schmidt-Biggemann, Th. Stammen. Berlin, 1998. S. 159–186.
- Makkreel R.A.* Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // *New Literary History*. 1990. Vol. 21. № 4. P. 977–991.
- Mandelbaum M.* The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // *History and Theory*. 1965. Vol. 5. № 5. P. 33–66.
- Mash R.* How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // *History and Theory*. 1987. Vol. 26. № 3. P. 287–299.
- Models of the History of Philosophy*. Vol. II. From the Cartesian Age to Brucker / Eds G. Piaia, G. Santinello. Dordrecht etc., 2011.
- Morgan M.L.* The Goals and Methods of the History of Philosophy // *The Review of Metaphysics*. 1987. Vol. 40. № 4. P. 717–732.
- Normore C.G.* What is to be done in the history of philosophy // *Topoi*. 2006. Vol. 25. P. 75–82.
- Popkin R.* Philosophy and the History of Philosophy // *The Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 82. № 11. P. 625–632.